

АНТОЛОГИЯ

Родился в деревне, в семье сапожника. После земской школы учился в московском реальном училище. Принимал участие в декабрьском восстании 1905 года. В 1907 году начал публиковать стихи и прозу. В 1908 году побывал у Горького на острове Капри. Посещает кружок символистов Эллиса. В 1911 г. вышел первый поэтический сборник "Песни", в 1913 - "Потаенный сад".

С 1914 года до конца войны находился в армии.

В 1918 году организует с С.Есениным и Герасимовым книгоиздательство "Московская трудовая артель художников слова", которое издает его сборники, включавшие, в основном, его старые произведения.

В 1922 году был приглашен А.К.Вронским на должность литературного секретаря отдела прозы в журнале "Красная Новь".

В 1923 году издает книги "Гость чудесный" и "Домашние песни".

В 1925 году - роман "Сахарный немец"; в 1926 году - "Чертухинский балакирь"; в 1927 году - "Жнязь мира".

В 1927 году выходит поэтический сборник "Талисман"; в 1930 - последняя книга "В гостях у журавлей". Издает только переводы.

В критике с конца 30-х годов подвергается травле как "бард кулачества". Клычков возражал: "Мало разумно любовную лирику расценивать на граммы политической символики, за немудреным плетнем неудавшейся домашности разыскивая злостного политического пессимиста". Не испытал влияний формалистических течений. Видел в этом кризис гуманизма: "всеобщая мобилизация бессмыслицы и крестовый поход против человеческого нутра".... "В разгар футуризма и поэтического атеизма, Пушкин для меня всегда был образом утешения, успокоения и надежды."

В 1937 году был арестован. Официальная дата смерти - 21 января 1940 года.

0000000

НЕВЕСТА

Запоют на пирушке обозы
Сквозь березовый частый лесок...

По-за лесу в густые березы
Поднимется ласковый стог.

Понаедут веселые хваты
Без пути, без дороги — былъем,
Скинут белые шапки у хаты
Перед старым седым бобылем.

Раскидают кафтаны, сермяги
Все на заячьем белом меху,
Что одной-то полой на овраги,
А другою по лесу, по мху...

Посидят старики за ендовой,
Посудачат старухи втишок.

Не горюнься же, Месяц медовый,
Невесты моей женишок!

ЛАДА В ПОЛЕ

Повязалась Лада
Шелковым платком,
Ходит Лада в поле
С липовым лотком.

Ходит Лада — сеет,
Вкруг нее синеет.

Взборонна борозда,
Что ни зернышко — звезда!..

Ходит Лада в поле
С липовым лотком,
По росе ступает
Мягким лапотком.

Ходит Лада — сеет,
Вкруг нее синеет.

Из-под белого платка
Выплывают облака!

Из цикла: ПОТАЕННЫЙ САД

Помню, помню лес дремучий,
Под босой ногою мхи,
У крыльца ручей гремучий
В ветках дремлющей ольхи...
Помню: филины кричали,
В темный лес я выходил,
Бога строгого в печали
О несбыточном молил.
Дикий, хмурый в дымной хате
Я один, как в сказке, рос;
За окном стояли рати
Старых сосен и берез...
Помолюсь святой иконе
На соломе чердака,
Понесутся, словно кони,
Надо мною облака...
Заалееет из-за леса,
Прянет ветер на крыльцо,
Нежно глядя у навеса
Мокрой лапой мне лицо —
Завернутся кучей листьев,
Закружится возле пня,
Поведет, тропы расчистив,
Взявши за руку меня —
Шёл я в чаще, как в палате,
Мимо ветер тучи нес,
А кругом толпились рати
Старых сосен и берез:
Помню: темный лес дремучий,
Под босой ногою мхи,
У крыльца ручей гремучий,
Ветки дремлющей ольхи...

ДЕДОВА ПАХОТА

Бел туман спадает с выси,
На селе кричат грачи,
В седины его вплелись
солнца раннего лучи!

Коня ивинкой сухою
Понукает он порой...
Славны думы за сохою!
Светлы очи пред зарей!

Запахал дед озимое,
Поясной покой сложил,
Обошел кругом с сумою,
Хлебной крошкой обсорил.

За день дед не сел у пашни,
Распрявился и окреп...
Тепел вечер был вчерашний,
Мягок будет черный хлеб!

Не с того ли яровая
В поле скатерть за селом...
Будет всем по короваю!
Всем по чарке за столом!

ИЗ цикла: ДУБРАВНА

Была над рекою долина,
В дремучем лесу у села,
Под вечер, собирая малину,
На ней меня мать родила...

В лесной тишине и величьи
Меня пеленал полумрак,
Баюкало пение птичье,
Бегущий ручей под овраг...

На ягодах спелых и ~~вишнях~~ хмеле,
Широко раскрывши глаза,
Я слушал, как ели шумели
Как тучи скликала гроза...

Мне виделись в чаще хоромы,
Мелькали к заре терема
И гул отдаленного грома
Меня провожал до дома.

Ах, верно, с того я и дикий,
С того-то и песни мои —
Как кузов лесной земляники —
Меж ягод с игольем хвои...

ПОДПАСОК

Над полем туманит, туманит,
В тумане мелькает грудок,
А за лесом гаснет и манит
Меж туч заревой городок.

Сегодня я в поле ночью,
Лежу, притаясь за скирдой —
Вон в высь голубую, ночную
Катится звезда за звездой...

И, нехотя, месяц всплывает
Над ширью покосов и нив
И ряски свои одевают
Ряды придорожные ив...

И кто-то под голос волынки
Незримо поет в вышине,
И шепчут за нею былинки,
И грустно от песенки мне.

И то ли играет подпасок,
Поет ли волынка сама —
Ах, беден на нем опоясок
И с боку убога сума!..

Но в полночь, когда он на кочке
Сидит в голове табуна
В ~~машине~~ кафтан с золотой оторочкой
Его наряжает луна...

И в сумку, пропахшую хлебом,
Волшебную дудку кладет —
И тихо под песенку небом
За облаком облак плывет...

И думаю: кончится сказка,
Погаснет пастуший грудок, —
Замолкнет волынка подпаска,
Зальется фабричный гудок!..

х х х

Сегодня у нас на деревне
Дерутся, ругаются, пьют —
Не слышно, как птицы царевне
В лесу деревенском поют.

А в роще Дубравна гуляет
И в лад им поет на ходу.
И тихо заря догорает
В далеком, небесном саду.

Не видит никто и не слышит,
Что шепчет в тумане ковыль,
Как лес головою колышет,
И сказкой становится быль....

Сидят и грустят о старинке,
Угрюмо глядят старики,
Как по полю, словно ширинки,
Туманы постлались с реки....

И часто они оттирают
Очей устаревших слюду,
И тихо заря догорает
В далеком, небесном саду....

И, может, что было недавно —
Давно только песни и сны,
И синие очи Дубравны
Слились с синевой весны....

х х х

Помолюсь заревому туману,
Поклонюсь до земли землякам,
По пути к плотогонам пристану,
К понизовым лихим рыбакам...

Проходя голубое поречье,
На песках с заревым пояском,
Я окрепну и духом, и речью
За трудом и за черным куском.

Повстречаясь с веченной грозой,
Я заслушаюсь и загляжусь,
Как скликаются вешние зои,
Как почиет под сумраком Русь...

И когда буду спать еще в хатах,
И бродить по болотам туман,
Запою я о звездах мохнатых,
О пригоршне тяжелых семян...

Не ходи ж ты за мной, мое горе,
Не цвети ж ты на тропке, плакун —
Ой, волшебницы — яркие зори!..
Шум лесной — стоголосный баян!..

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Золотятся ковровые нивы
И чернеют на пашнях комли...
Отчего же задумались ивы,
Словно жаль им родимой земли?..

Как и встарь, месяц облаки водит,
Словно древнюю рать богатырь,
И за годами годы проходят,
Пропадая в безвестную ширь.

Та же Русь без конца и без края
И над нею дымок голубой —
Что ж и я не пою, а рыдаю
Над людьми, над судьбой, над собой?

И мне мнится: в предутрии пламя
Пред бедою затеплила даль,
И сгустила туман над полями
Небывалая в мире печаль...

Глядят нахмуренные хаты,
И вот — ни бедный, ни богатый
К себе не пустят на ночлег: —
Не все ль равно: там человек
Иль тень от облака, куда-то
Проплывшая в туман густой, —
Ой, подожок мой суковатый,
Обвитый свежей берестой, —
Родней ты мне и ближе брата!
И ниже полевой былинки
Поникла бедная душа:
Густынь лесная и суглинки,
Костырь, кусты и пустоша —
Ой, даль моя, ты хороша,
Но в даль иду, как на поминки!
Заря поля окровянила
И не узнать родимых мест:
Село сгорело, у дороги
Стоят пеньки и, как убогий,
Ветряк протягивает шест.
Не разгадаешь: что тут было —
Вот только спотыкнулся крест
О безымянную могилу.

х х х

У моего окна такая высь и ширь,
Такая тишина, отрада и обилье:
Под ношей гнется сад, за ним, как плат, — чигирь,
А по бокам дубки стоят, сложивши крылья.

Забудь же, друг, беду, сгони с унылых глаз
Печаль и глянь без слез хоть раз с любовью:
Звезду прекрасную принес вечерний час
И свет для нас зажег у изголовья.

О, тих ты и прозрачен синий полог звезд,
И я живу, живу, — не ожидая срока.
И лишь, как памятка о родине далекой,
Вдали с крестами деревянными — погост.

Лежат там пахари, степные косари,
Переодетые в солдатские шинели, —
И запеклись уста, и щеки посинели,
И очи на зарю, но холодной зари.

И донесение последнее, — в обшлаг
Вспехах засунута напутная молитва.
О будь благословен твой каждый робкий шаг,
И друг, и враг, бежавший с поля битвы...

А поутру жена поставит чашку,
В тягучий квас накрошит мелко лук...
... И сядет Лихо в образе монашка
За хлеб и соль хозяйскую сам-друг!..

Оглянет всех уныло и устало:
Так долго шел и вот идти опять...
И подойдет себе и детям малым
Жена благословение принять...

Привстанет он и полу приоткинёт,
Ножом слегка надрежет в ряске шов...
И, как из мглы, из черной рясы вынет
С головкой сургучевой полуштоф...

Пригубит сам из синего стакашка
И хмурому хозяину мигнет...
...Хозяин сядет около монашка,
И гость ему большой стакан нальет...

Разломит жизнь, как хлебную краюху,
Большой ломоть за окна бросит псу,
И пес залает и завоет глухо,
Как бы напав на волчий след в лесу.

Завоет глухо, словно в голодуху.
Душистый хлеб страшей, чем мерзлый ком.
...Глядь: не монах в углу, а молодуха
Расчесывает косы гребешком...

Сидит она и весело смеется,
И весело оглядывает всех...
И серый глаз светлей воды с колодца,
И смех свежей, чем первый белый снег...

Жена заплачет, и заплачут дети,
Все кувырком и встанет на дыбы...
И сам тогда всё проклянешь на свете,
И доведешь весь дом до худобы...

И если кто случится о ту пору,
С дороги ль дальней навернется сват,
Не загостит, а соберется скоро,
Увидя под иконами ушат.

И ни с того нахлестывая лошадь
Большим кнутом во впалые бока,
В пути он будет луг и лес полошить
И не заметит сзади седока!

Не прячь беду от свата и соседа
И не скрывай ошибку иль вину —
Как гончая на жировм гону
В следах людских беда собьется с следу!

МЕДВЕЖАТА

Давно тому железную дорогу
Вели у нас среди лесных болот...
...В кустах нашли последнюю берлогу
И в ней двух медвежат — сирот...
Смешные два такие медвежонка,
Уж больно были глупы и малы...
...И с той поры таежную сторонку
сковали рельсы, словно кандалы!
...Пушистый мох закрыл следы и тропки,
Нахмурил бровь в сухмень сосновый яр,
Когда от искр из паравозной топки
С конца в конец прошел большой пожар...
...Ушли медведи, и подались лоси,
На гари леший обернулся в пень...
...И самому мне тоже довелось
Перескочить за дедовский плетень...
...Теперь столбы шагают из болота,
Неся в руках стальные провода,
И в ноги им спадает позолота,
Плывет с реки осенняя слюда...
...Совсем в сторонке лес стоит как нищий,
Гнусаво тянет про себя аминь!..
... Взойдет луна и словно что-то ищет
И цедит сверху золото и синь...
... И у села, куда в овес нежатый
От облака ложится полусвет,
Играют золотые медвежата,
И бродит бурый муравьед...

Должно быть я калека,
Наверно я урод:
Меня за человека
Не признает народ!

Хотя на месте нос мой
И уши как у всех...
Вот только разве космы
Злой вызывают смех!

Но это же/ не причина
И это не беда,
Что на лице — личина:
Усы и борода!..
... Что провели морщины
Тяжелые года!

И полон я любовью
К рассветному лучу,
Когда висит над новью
Полоска кумачу...
... Но я ведь по-коровьи
На праздник не мычу?!

Я с даром ясной реч
И чту я наш язык,
Я не блею овечий
И не коровий мык!

Скажу я без досады,
Что, доживя свой век
Средь человечья стада,
Умру, как человек!

х х х

Мы отошли с путей природы
И потеряли вехи звезд...
Они ж плывут из года в годы
И не меняют мест...

Теперь летаем мы, как птицы,
Приделав крылья у телег,
И зверь взглянуть туда боится,
Где реет человек.

Леса целуют наши ступни,
Со страхом обползает гад,
И ничего уж нет преступней,
Чем наш безумный взгляд...

И пусть нам с каждым днем послушней
Вода и воздух и огонь,
Пусть ржет на привязи в конюшне
Ильи громовый конь.

Пускай земные брони-горы
Покорно плаваются в печи.
Куем мы крепкие запоры,
А нам нужны ключи.

Закинут крепко синий полог,
И мы, мешая явь и бред,
Следим в видениях тяжелых
Одни хвосты комет.

НЕИЗДАННОЕ.

х х х

Как встарь поля твои убоги,
Мой северный, суровый край.
Всё также виснет у дороги
Луны пшеничный каравай.

И сотни лет во мгле незрячей
Под сиротливой синевой
К нему уносится собачий
Голодный бесприютный вой.

х х х

Сколько хочешь плачь и сетуй
Ни звезды нет, ни огня
Не дождешься до рассвета,
Не увидишь больше дня!
В этом мраке, в этой темноте
Страшно выглянуть за дверь:
Там ворочается время,
Как в глухой берлоге зверь.

(1937)